

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Магическая природа слов. «Безмолвие - душа вещей»

Катюхина Татьяна Викторовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: katyuhina.tatyan@mail.ru

Вопрос о магии слова, о таинственности сказанного часто становится предметом изучения разных гуманитарных дисциплин, филологии, психологии, лингвистики и, наконец, философии. Что же таит в себе слово, и почему оно способно что-то скрывать, в чем его природа? Вспомним Б.Ф. Поршнева, который говорит о том, что в результате депривации человек пытался восполнить свой вещественный мир созданием мира образов и наделить полученные образы и вещи сверхъестественными силами[2], которые (образы и вещи) становились предметами культа и различных таинств. Так вещи приобретали таинственный, магический характер, несли в себе скрытые смыслы и особую энергию, связывающую человека с божеством. Со временем эти предметы начинали именоваться, в слове стала отражаться эта сверхреальная сила вещей, т.е. магическая природа вещей оказалась магической природой слова. Поэтому не случайно появление в устном фольклоре таких пословиц, как: «Сказанное слово обратно не вернешь», «Сказанное слово - выпущенная стрела», «Слово - не птица, вылетит - не поймаешь». Поэтому именование, т.е. возможность дать имя - это особое сакральное действие во многих культурах.

Об особой мистической стороне имени в своей работе «У водоразделов мысли» говорит П. Флоренский. Дать имя - значит произвести озвучание еще неозначенного, осуществить извлечение таинственных смыслов человеческого бытия. Имена, по Флоренскому, могли становиться орудием магии[3]. Исследователь архаических форм культуры О.М. Фрейденберг говорит о том, что в основе почти всех ритуалов лежит «действие имени; в древнейших обрядах свадеб и похорон мы застаем вызывание чествуемого божества – протагониста по его имени, т.е. акт воссоздания его существа, его сущности, находящейся в имени»[5], т.е. называя по имени, первобытный человек возрождает свою божественную сущность. Таким образом, он приобретает возможность высказать неозначенное. Магическая природа вещей была связана, прежде всего, со способностью человека к воображению, со способностью поддаваться чувствам и испытывать эмоции.

Эту таинственность, невыразимость природы вещей выразил в своем стихотворении «Безмолвие» французский поэт М. Роллини, переведенное И. Анненским как «Безмолвие – это душе вещей»[1]. В слове все переживания становятся означенными и теряют свои изначальные свойства. Но, тем не менее, слово в ритуале сохраняет свойство магичности, получая энергию вещи. Не случайно в нашей культуре закрепились такие высказывания, как «Сказал как отрубил», «Словом можно убить». Побудительная и магическая сила слова тянется из неозначенных смыслов «до-словного» и максимальной концентрации в них эмоций и чувств. Именно это П. Флоренский называл семемой слова[4]. Также как и в игре, наличие сверхъестественного делает внутреннюю основу ритуального действия до конца невыразимой в словах, ибо в ритуале стираются грани между реальным и нереальным. В ритуале человек как бы пытается создать самого

себя, вернуться в еще не означенное, в царство первых смыслов, образов и чувств, когда все еще впереди и все едино. Здесь эмоциональное переживание и чувства становятся основными способами восприятия себя и мира, где самоограничением себя в ритуале устанавливаются определенные правила, которые также как и в результате игры становятся социальными нормами. И именно на основе эмоций и чувств возможно существование и игры, и ритуала.

В основе природы чувств лежит нечто неязыковое, ибо их передача превращает чувства сначала в мысль, а потом в слово, но это уже не чувство, это его словесное выражение. Поэтому лучше всего чувство выражается в действии, в поступке. Мы же больше верим делам, нежели словам, ибо в них человек предстает самим собой. Вот так же и для запечатления «до-словной» речи, пребывающей в молчании и являющейся для нас хранилищем неопределенных мыслей, смыслов, образов, символов необходимо «до-словное» письмо, основу которого также составляет молчание, где показана попытка выразить это неязыковое, образное в движениях человеческого тела. Будь то наскальные изображения, каменные или глиняные фигурки или же язык жестов. Все упомянутые мистические действия тоже можно отнести к «до-словному» письму, ибо они тоже связаны с движениями человеческого тела. Это дает основание говорить о том, что основа появления языка письменного и устного – в молчании, в неязыковом, которое состоит из «до-словной» речи и «до-словного» письма.

Литература

1. Анненский И. // Серебряный век. Поэзия. - М.: АСТ ОЛИМП, 1996. – С. 45
2. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории.- М.: Мысль, 1974. – С. 487
3. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Из истории отечественной философской мысли в 2-х т. Т.2. – М.: Правда, 1990. – С. 448
4. Флоренский П. Введение в историю античной философии, лекция 10 // Философские науки. – 2004. - №3. – С. 76-95
5. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности М.: Восточная литература, РАН 1996. – С. 448

Слова благодарности

Спасибо!